

Андрей Тихомиров

Эпизоды, эпизоды...

*Жизненные
события и полет
мыслей: сборник
всякой всячины*

Андрей Тихомиров

**Эпизоды, эпизоды... Жизненные
события и полет мыслей:
сборник всякой всячины**

«Издательские решения»

Тихомиров А.

Эпизоды, эпизоды... Жизненные события и полет мыслей: сборник
всякой всячины / А. Тихомиров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508605-1

Вся наша жизнь, в сущности, это бесконечные эпизоды, связанные и несвязанные друг с другом. В переводе с греческого они и означают «вставки»: цепь случайных событий, возникающих в неопределенное время в неопределенном месте. Вместе с нашими мыслями это и составляет нашу жизнь. Мысли и заставляют живые организмы совершать различные действия. Хорошие или плохие эти действия — вопрос крайне относительный и зависит от множества факторов.

ISBN 978-5-00-508605-1

© Тихомиров А.
© Издательские решения

Содержание

Эпизод 1	6
Эпизод 2	8
Эпизод 3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Эпизоды, эпизоды...
Жизненные события и полет
мыслей: сборник всякой всячины

Андрей Тихомиров

© Андрей Тихомиров, 2019

ISBN 978-5-0050-8605-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эпизод 1

На дороге лежала непролазная грязь. Плащ блестел под мелким дождем. Но он не замечал отвратительной погоды. Ему было приятно оттого, что дела идут лучше, чем он ожидал. Такого успеха он и сам не ожидал. Сейчас он посмеивался над нелепой, с его точки зрения, прошлогодней бумажкой, полученной от нее, в которой она ему писала о своих чувствах.

Было уже темно, когда он подошел к своей квартире. Войдя в кухню, он неторопливо снял плащ и пальто, отряхнул шапку.

Во время чая между ним и ей снова возник неприятный и угнетающий разговор, одинаково волнующий как его, так и ее. Этот вечный вопрос, в котором они не могли прийти ни к какому соглашению, возникал между ними каждый раз, как только он приезжал домой. В глубине души он надеялся сегодня, впрочем, как и во все предшествующие приезды, что она промолчит. Но она встретила его безразлично, не обрадовалась, была какая-то скучная и утомленная.

Разливая чай, сказала:

– Вчера видела одну нашу общую знакомую, спрашивала о тебе, кланялась...

– Спасибо, – сказал он и почувствовал, что она неспроста упомянула эту общую знакомую, не называя даже ее имени.

– Вернулись из Европы, – продолжала она, – два месяца пробыли...

– Ну и пусть, – буркнул он, – очень рад. Значит, есть деньги...

– Еще бы, – оживилась она, – он ведь бизнесмен... Хвалилась, будто роскошно отдохнули!..

– Ну, конечно! – усмехнулся он. – У бизнесменов всегда были приличные доходы, не то что...

– При чем тут доходы! – как бы обидевшись, перебила она. – Не только у бизнесменов, возьми других, все живут и все ездят по европам, и для этого вовсе нет нужды разлучаться с семьей, работать там, где платят гроши... Только ты один...

– Разумеется, – нахмурился он, – я только и думаю о том, как бы отделаться от тебя...

Она вдруг сжала губы, взглянула на него темным, беспокойным взглядом.

– Это не так смешно, как ты думаешь, – отрезала она, – а мне уже надоела такая жизнь... Я не могу больше и хочу решить вопрос окончательно и бесповоротно.

– Опять окончательно! – воскликнул он.

– Да, я хочу наконец услышать от тебя что-нибудь одно – да или нет... Мне надоело, я не могу больше... Ты обязан мне сказать: да или нет. Слышишь?

– Слышу, но ведь я тебе уже тысячу раз говорил и снова повторяю – да.

Наступило долгое молчание.

– И как только ты не можешь понять, – наконец обиженно заговорила она, – ведь такая жизнь для меня невыносима! Я больше не могу. Тебе, может быть, это нравится, ты счастлив, а я жить так больше не в силах. – Она задумалась на минуту и тяжело вздохнула.

Ему стало жалко ее, потому что жизнь идет уже не «на гору», а «под гору» и что ей хочется жить не так, как сейчас.

«Сколько лет пролетели – и не увидели, как пролетели», – подумал он и подошел к ней.

– Ну, перестань, – сказал он мягко. – Надо же быть выше этого... Это смешно. Мало ли кто и куда едет? Ведь есть же прекрасный выход... – И голос его окреп, прорвался какими-то душевными нотками.

– Уйди, не прикасайся! – вдруг закричала она.

Он опустил голову и смущенно отошел и посмотрел на нее. Слезы жены когда-то трогали и волновали его. Сейчас же ему было лишь досадно оттого, что она сама расстраивается и рас-

страивает его, в сущности, по такому ясному вопросу. Вечная борьба и в то же время единство противоположностей – диалектика развития.

Она вытерла глаза и снова принялась разливать чай и принялась говорить что-то обидное, но он уже не слушал. В нем поднялось нескрываемое ожесточение, заговорило достоинство мужчины. Затем быстро зашагал в кабинет, оделся и вышел на улицу.

Было темно. Кое-где в домах горел свет. Далеко, на другом конце улицы, слабо светился одинокий фонарь. Дождь перестал. Под ногами хлюпала грязь. Он шел, то и дело поскользываясь и хватаясь за стены, чтобы не упасть. Все же на одном ухабе он споткнулся, упал. Жидкая грязь обдала пальто, забрызгала лицо. Он поднялся, побрел дальше.

Внезапно он увидел знакомого человека. С чубом, выбившимся из-под кепки, в расстегнутом пальто, улыбающийся, обрадованный, перед ним стоял его знакомый, который искренне обрадовался ему. Он почувствовал внезапную теплоту от этого искреннего, веселого голоса:

– А я иду и думаю: Вы или не Вы? Очень рад, что мы встретились. И теперь уж я Вас не отпущу. Вы куда-нибудь по делу?

– Нет, не по делу... Просто так... Погулять вышел.

– В такую-то погоду? – удивился знакомый.

Он промолчал и, вынув носовой платок, принялся вытирать вспотевший лоб. К чему объяснять, что у него произошел очередной неприятный разговор с женой?

От знакомого не ускользнуло странное настроение встреченного, но он сделал вид, будто не замечает расстройства, и предложил:

– А знаете что?

– Нет, не знаю.

– Пойдемте ко мне. Ведь Вы у меня никогда не бывали.

«А ведь в самом деле, – подумал он, – на улице противно, дома – тоже нехорошо».

– Что ж, пойдемте.

Пришли.

Это была небольшая квартирка, цветы на подоконниках, белые занавески на окнах – все это создавало хоть милый уют. Он опустился на шаткий диванчик, ему было приятно от осознания того, что на дворе осенняя слякоть, темнота, а тут – тепло, тихо, чисто.

Знакомый налил, выпили, завязался незатейливый разговор.

– Вы, как я понял, человек простой, – начал знакомый.

– Как сказать, все относительно, батенька. Вот зашел к вам, хотя Вас совсем не знаю, а вдруг что-то будет не так.

– Обижаете, все будет хорошо!

– Тогда продолжим!

– Сделайте одолжение!

Эпизод 2

День был по-прежнему печальный. Опять шел дождь, лежал туман. Но идти было легче, чем вчера, в темноте.

Он шел и раздумывал... Личная жизнь... Была ли когда-нибудь у него личная жизнь? Мысль эта пришла ему только сейчас впервые за много лет. Жизнь пролетела с удивительной быстротой, невидимо, и на всем ее пути ни одного яркого, ни одного оставшегося в памяти огонька.

Он вновь бродил долго по безлюдным улицам. Дойдя до окраины, повернул обратно, пошел какой-то широкой улицей с редкими домиками и огромными дворами. Он увидел старинный, покосившийся дом с шестью окнами на улицу, с большим садом во дворе. Окна закрыты наглухо, и только одно открыто.

И вот – отвисший подбородок, под глазами – мешки, морщины на щеках. Здравствуй, старость! То был его старый друг.

– Ты даже не представляешь, как я рад тебе, – тащил его закадычный друг за рукав. – Все проказничаешь? – засмеялся он. – Проходи-ка вот сюда и садись, а я что-нибудь соображу. Погодка-то, – покосился он на окно.

На дворе шел дождь, нудный, унылый, точно из сита. Лоснились огромные клены с редкими желтыми листьями на макушках.

Он снял пальто, повесил его рядом с печкой. Ему было приятно, что вот он случайно попал к старому приятелю. Его вдруг потянуло на откровенность. Ему захотелось поговорить с ним о том, о чем он никогда ни с кем не говорил, но тут же понял, что, в сущности, говорить-то не о чем.

Друг между тем скоро вернулся с тарелками в руках.

– Ты, вероятно, голоден? Признайся... Да и того, обогреться не мешает, – и посмотрел внимательно на своего старого товарища. – Надеюсь, не откажешься?

Он равнодушно относился к алкоголю. Но сейчас почувствовал, что он действительно промок, продрог и не откажется посидеть за рюмочкой. Кроме того, ему захотелось сделать это «назло» жене. Она не любит его хмельным. «Приду пьяный – любуйся».

– Закусон у меня как раз под водку, – друг оживленно сказал, – огурцы собственной засолки, и все маринады – собственные... Насобачился мариновать – попробуй и оцени... Вот, например, грибки... Не люблю ничего рыночного.

Он застлал письменный стол газетами, усталил его закусками «собственного производства».

Наполнив две большие рюмки водкой, друг заявил:

– А ведь ты того, братец... сдаешь! А ничего не попишешь... Дело идет. Э-э, да черт с ним, – махнул он рукой. – Выпьем, старик!

Чокнулись, выпили.

– Ведь жизнь кончается – подумай только! А жить хочется! И хочется, чтоб на тебя девушки посматривали, чтоб они улыбались тебе при встречах смущенно и чтобы ты чувствовал себя с ними юношей... Ведь страшно, когда тебя называют «дедушкой».

– Да разве в этом главное?

– А что главное, – махнул тот рукой.

Но друг будто не слышал и продолжал, заложив руки за спинку кресла:

– Ты когда-нибудь смотрел на себя в зеркало, старик? Не смотрел? И не надо. Ей-богу. Ну его к черту, с этим зеркалом! А я смотрел. И знаешь, что я увидел там? Во-первых, я увидел вот это, – он оттянул отвисший подбородок. – Паршивая вещь. Подбородок, конечно, бывает и у молодых. Но у молодых выглядит не так, у них он приятно ласкает глаза, а у меня просто –

«лишняя кожа». И губы уж не те, что были, и зубы – того... не те, не жемчуг... Потрогаешь рукой морду, а она рыхлая, потянешь кожу – оттопыривается. Один цирюльник как-то раз брил меня и говорит: «У вас много лишней кожи». Хотел наверное сказать, что мне пора, дескать, и на мыльную фабрику, а получилось мягко. И на глаза посмотришь – не тот блеск, и животик отвисает, а полгода назад обнаружил, что даже нос раздался и покраснел. Грустно, старик, грустно, когда нет-нет да и откроешь что-нибудь новенькое из этой области... Старость, братец, старость...

За окном по-прежнему лил дождь. Кто-то прошел, звучно чавкая сапогами.

Друг снова наполнил рюмки.

– Впрочем, довольно, – решил он. – Ты лучше расскажи мне, как там у тебя дела?

– Да никак, все по-прежнему.

Как у ровесников, у них в жизни было много общего. В один и тот же год пошли в школу, учились по одним и тем же учебникам. Наступило время – надели солдатские шинели, научились держать в руках оружие. Возмужали. А потом демобилизация, и планы на будущее, и мечты – словом, все, что бывает у молодых людей в такие переходные моменты. Однако жизнь распределила все по-своему.

Раздражение – эмоциональная усталость, она проявляется по-разному. Он прислонился к столбу, закурил дешевую, непривычную сигарету. В проводах надрывно гудел ветер. «Занесло меня сюда...» – чертыхнулся он, угрюмо глядя по сторонам. Все ему здесь не нравилось сейчас: ни люди, ни город. Даже погода. Чувство одиночества росло, теснило грудь, и ему вдруг стало жалко самого себя.

Эпизод 3

Где же была судьба? Ведь он сам, и никто иной, так решил и так сделал. Человек стоял у окна вагона, повторял про себя свое имя и спрашивал, кто же он, кто, кто? – пока у него не закружилась голова... Он нашел наверху большую яркую звезду и не отрывал от нее взгляда. Звезда не оставалась на месте, она обгоняла поезд, затем поезд нагнал ее, опередил и оставил где-то сзади. Наверное, эта дорога не была прямой, какой казалась. Путь извивался, и поезд вместе с ним – по воле людей, проложивших в пустыне стальные рельсы. Он продолжал спрашивать себя, кто он, и постепенно уходил далеко в прошлое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.